

ЕЩЕ ОБ ОСТАВЛЕНИИ Б. А. РОМАНОВА ПРИ ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ К УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ

В недавно изданной книге о Б. А. Романове¹ мне не удалось осветить этот вопрос сколько-нибудь подробно. Однако недавно при проверке в архиве С.-Петербургского института истории РАН фонда И. И. Смирнова О. А. Абеленцева обнаружила два документа – отчет о занятиях оставленного при университете по кафедре русской истории Б. А. Романова, датированный 29-м ноября 1917 г., и его письмо профессору С. В. Рождественскому от 30 ноября того же года, в котором автор дает комментарии к своему отчету. Само по себе попадание этих документов в фонд И. И. Смирнова является, безусловно, случайным и, вероятно, связано с одновременной обработкой фондов этих двух сотрудников Ленинградского отделения Института истории. С другой стороны, странно, что отчет Б. А. Романова отсутствует в деле «Романов Б. А. Об оставлении при университете по кафедре русской истории», хранящемся в Центральном государственном историческом архиве С.-Петербурга². Объяснения этому странному факту я не нахожу. Возможно, сохранились черновики отчета и письма, но это не дает ответа на вопрос, почему в делах университета нет его белового экземпляра. Если же найден беловой оригинал, то мы возвращаемся к тому же вопросу. Но, так или иначе, принадлежность этих документов перу Б. А. Романова не вызывает сомнений, поскольку они написаны его характерным почерком. Более того, можно утверждать, что они дошли до адресата (об этом ниже). Так что они, в сопоставлении с ранее известными источниками, позволяют подробно изложить историю пребывания Б. А. Романова в качестве оставленного при университете и ряд эпизодов его биографии.

Итак, в 1911 г. Б. А. Романов получил выходное свидетельство, а в 1911/12 учебном году сдал выпускные испытания и в результате получил диплом первой степени об окончании историко-филологического факультета С.-Петербургского университета, датированный 21 декабря 1912 г.³ Но еще до этого, 15 сентября, декан историко-филологического факультета сообщил в ректорат университета о том, что «факультет избрал для оставления при <...> университете по кафедре русской истории для приготовления к ученой степени на 2 года <...> Романова без стипендии»⁴. Впрочем, окончательное решение кафедры об этом было оформлено декабрем 1912 г.⁵, то есть временем, когда он сдал последние испытания. Но была еще одна инстанция, без которой невозможно было реализовать эти решения, – управление С.-Петербургского градоначальника, канцелярия которого выдала Б. А. Романову свидетельство для представления в университет – «в том, что неблагоприятных в политическом отношении сведений» о нем «за время проживания в С.-Петербурге в делах Управления градоначальника не имеется»⁶.

Оставление Б. А. Романова в университете для подготовки к ученой степени имело подоплеку, неприятную как для него, так и для А. Е. Преснякова, которого он считал своим учителем. А. Е. Преснякову было ясно, что судьба его ученика всецело зависит от профессора С. Ф. Платонова, который только и мог принимать решение по этому вопросу. Близость Б. А. Романова к С. Ф. Платонову в период его учебы на факультете – известный факт. Показательно, в частности, что именно он составил список трудов С. Ф. Платонова для сборника, вышедшего в 1911 г. в честь знаменитого ученого⁷. Незаурядные академические успехи Б. А. Романова не могли

вызвать и доли сомнений в том, что его судьба решится положительным образом. Однако обескуражившее решение о лишении его стипендии не могло не повлиять на дальнейший путь Б. А. Романова в науку. Несомненно, А. Е. Пресняков знал обо всех этих обстоятельствах, но, вероятно, не терял надежды на возможность положительно повлиять на сложившуюся неблагоприятную ситуацию. Поэтому 29 мая 1913 г., то есть спустя полгода после принятого решения, он обратился к С. Ф. Платонову с письмом, в котором в осторожной форме интересовался судьбой своих учеников: «Чернов и Романов окончили государственные экзамены; оба, конечно, по первому разряду. Ведь с осени они оба – Ваши оставленные – не так ли? Не зная, говорили ли Вы с ними, я их не решался спросить об этом»⁸. Безусловно, в этом вопросе А. Е. Преснякова содержался элемент лукавства. Но он не мог оставаться в стороне. Сам Б. А. Романов, также смущенный развитием этого дела, впоследствии объяснял сложившуюся ситуацию тем, что С. Ф. Платонов оставлял со стипендией только своих непосредственных учеников. Но такой неожиданный поворот в научной карьере означал, что он оказался перед необходимостью прервать успешно начатую исследовательскую работу и стать учителем в частной женской гимназии Михельсон, а вслед за тем – в гимназии Таганцевой. Эта нагрузка, которую А. Е. Пресняков считал слишком большой⁹, накладывалась на сотрудничество в энциклопедических словарях, начатое еще в студенческое время. В январе 1914 г. Б. А. Романов обратился с ходатайством о предоставлении ему должности преподавателя истории в Императорском воспитательном обществе благородных девиц (Смольном институте), а Совет университета сообщил, что с его стороны не встречаются препятствия этому¹⁰. На 1914 г. приходится и женитьба Б. А. Романова, разрешение на которую он также должен был запросить у университета. Получив сообщение, что «со стороны <...> университета препятствий к вступлению в брак» с дочерью присяжного поверенного Е. П. Дюковой «не встречается»¹¹, он обвенчался с нею 26 мая 1914 г. Обретение семьи привело к тому, что ему пришлось думать о ее материальном обеспечении, для чего необходимо было увеличить преподавательскую нагрузку.

Б. А. Романов ясно осознавал, что в оставшиеся полгода до окончания двухлетнего срока пребывания в университете в качестве оставленного для подготовки к ученой степени он не сумеет сдать необходимых экзаменов, и обратился с просьбой «о продлении ему срока оставления при университете на третий год, с 15 сентября 1914 г.». Профессор С. В. Рождественский, у которого он в свое время участвовал в работе семинария, сообщил 10 мая 1914 г. в деканат историко-филологического факультета, что он знает «Б. А. Романова как трудолюбивого и способного работника» и находит «возможным поддержать перед факультетом его ходатайство», особенно учитывая то, что «к сдаче магистерского экзамена Б. А. Романов намерен приступить весной будущего 1915 г.»¹². Вскоре положительное решение было получено.

И действительно, 23 мая Б. А. Романов успешно сдал первый магистерский экзамен – по истории церкви¹³, а вскоре получил известие, что, наконец, назначен с 1 июля 1915 г. преподавателем Смольного института «с оставлением при университете»¹⁴, после чего покинул гимназию Михельсон. Само собой разумеется, что в оставшийся до окончания третьего года (сентябрь 1915 г.) период нечего было и думать о сдаче остальных экзаменов. Позднее, 30 ноября 1917 г., в письме к С. В. Рождественскому, Б. А. Романов констатировал: «С сентября 1915 г. формальной связи с университетом у меня уже не было и мысль об экзаменах была оставлена».

Один из ближайших друзей Б. А. Романова, С. Н. Чернов, вспоминая это время, писал, что их круг молодых ученых полностью осознавал, что начавшаяся год тому назад мировая («германская») война «не кончится скоро», а «личные биографии всех так или иначе сплетаются с нею», вследствие чего «под ногами для занятий прежней прочной почвы нет: нет прежде всего спокойного академического настроения». Для этого круга русских историков не составляло секрета, что с каждой новой

военной неудачей «гнулся внутренний фронт», а «боязнь разгрома на войне сплеталась с проблесками надежды, что эти неудачи приведут к разрешению внутреннего кризиса». С. Н. Чернов констатировал далее, что осенью 1915 г. «в эпоху ликвидации весенних и летних заигрываний власти с обществом, в эпоху страшных тревог за внешний фронт и полного незнания, чего ждать на внутреннем фронте», они «работали меньше и хуже, чем обычно»¹⁵.

К тому же Б. А. Романов получил от Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона предложение написать новый учебник для гимназии и подготовил план-проспект книги, которая, по его замыслу, должна была состоять из трех частей и охватывать всю историю России – от начала и до царствования Николая II. Б. А. Романов взялся за это новое для себя дело, имея, вероятно, в виду обобщить накопленный уже опыт преподавания в средней школе. Но по каким-то причинам дальше плана дело не пошло¹⁶. Все эти внешние и внутренние обстоятельства сплелись в один клубок, отодвигая перспективу продолжения исследовательской работы на второй план.

Правда, связи Б. А. Романова с университетом не были порваны вовсе. Так, 27 октября 1915 г. он выступил с приветственной речью на заседании Исторического кружка при Петербургском университете, которым с самого начала руководил А. С. Лаппо-Данилевский, и 25-летие научно-литературной деятельности которого было решено отметить на его очередном заседании¹⁷. И все же дальнейшие перспективы были неясными, а настроение – подавленным, в частности в связи с тем, что Б. А. Романов считал преподавание в гимназиях для себя противопоказанным, а возможность возвращения к научному творчеству призрачной.

В этих условиях, как он писал С. В. Рождественскому, «побуждаемый отчасти» своими «товарищами», в сентябре 1916 г. Б. А. Романов «решил просить помощи факультета». Эта просьба была поддержана профессором С. В. Рождественским, который снова, теперь уже вторично, обратился с ходатайством перед факультетом об «оставлении» Б. А. Романова «на 4-й год в университете». «Основания для ходатайства об этой исключительной льготе, – писал он, – следующие: Б. А. Романов был оставлен осенью 1912 г. на 2 года <...> без стипендии, а затем срок оставления был продлен ему еще на один год – до сентября 1915 г. В этом году он приступил к держанию магистерских экзаменов, но должен был их прервать в силу тяжелых семейных и материальных обстоятельств, вызванных войной. Обремененный в течение года большим количеством уроков в разных учебных заведениях, г. Романов может возобновить прерванные им экзамены и начатые им специальные работы только в том случае, если он вновь будет оставлен при университете еще на один год со стипендией. Как научный работник г. Романов уже зарекомендовал себя работою “Смердый конь”, напечатанной в <...> “Известиях Академии наук”¹⁸, а также рядом статей по русской истории в новом издании Энциклопедического словаря Брокгауз-Ефрон. В связи с приготовлением к магистерскому экзамену г. Романовым предприняты некоторые специальные исследования, например о московских летописных лицевых сводах, о составе московского двора, о политическом положении Великого Новгорода в системе северо-восточных русских княжений. Считая Б. А. Романова одним из наиболее трудолюбивых и способных молодых людей, оставленных на кафедре <...> за последние годы, нахожу справедливым и желательным поддержать его научную энергию путем оставления его при университете еще на один год со стипендией»¹⁹.

Историко-филологический факультет тотчас, уже 17 сентября 1916 г., откликаясь на просьбу Б. А. Романова и ходатайство С. В. Рождественского, принял решение ходатайствовать перед ректором университета об «оставлении Б. А. Романова по кафедре русской истории для приготовления к ученой степени сроком на 2 года»²⁰.

Однако когда дело дошло до Министерства народного просвещения, то в декабре 1916 г., как вспоминал сам Б. А. Романов в письме С. В. Рождественскому от 30 ноября

1917 г., в стипендии ему было отказано. Вероятно, здесь произошло какое-то недоразумение, так как далее он сообщает, что в феврале 1917 г. она «все же <...> назначена» – до 1 января 1918 г.²¹ Но в промежутке между этими двумя известиями Б. А. Романов «должен был с января вновь взять maximum заработной платы, а в конце января принял обязанности временно исполняющего должность инспектора».

Только в мае 1916 г. ему удалось сложить с себя обязанности инспектора и приступить к подготовке к экзаменам. Но «в августе, – продолжал Б. А. Романов, – стало ясно, что Смольного здесь не будет²², на стипендию в 100 руб.» он «прожить, конечно, не мог бы, и потому поступил в Бюро обзоров повременной печати при Временном правительстве»²³. Впрочем, «ввиду непрочности этого учреждения», Б. А. Романов «в начале учебного года взял еще уроки в гимназии Гедда», где ему пришлось преподавать «курс истории Европы XIX в.», для него «совершенно новый и требующий много подготовки». В сентябре 1917 г. Б. А. Романов поступил также на работу в гимназию Мушниковой. Эти шаги оказались оправданными, так как «Бюро печати исчезло, Смольного нет» и остается только преподавание («единственная зацепка»).

В таких условиях «выполнять свою магистерскую программу и обязательство перед факультетом» Б. А. Романов не имел возможности, так же как и говорить о «приступе к экзамену» и даже о том, чтобы «брать на себя какие бы то ни было обязательства перед <...> факультетом». Поэтому Б. А. Романов был вынужден признать, что у него «не только нет оснований рассчитывать на вторичное назначение <...> стипендии в 1918 г., но скорее можно было бы говорить о возвращении стипендии 1917 г., если бы это было в нынешних условиях хоть сколько-нибудь» ему «под силу» (письмо Б. А. Романова С. В. Рождественскому от 30 ноября 1917 г.).

И все же, несмотря на ряд серьезных препятствий, Б. А. Романов за полгода, предшествовавшие отчету от 29 ноября 1917 г. о занятиях оставленного при университете, проделал большую работу по подготовке к магистерскому экзамену «по вопросам, утвержденным соответствующими представителями кафедр». К пяти вопросам по русской истории он подготовился лишь частично. Так, вопросы «Политическое положение Новгорода Великого в системе северо-восточных русских княжеств» и «Русско-татарские отношения XIII–XV вв.» «явилась возможность проработать по источникам и почти только по источникам», хотя «здесь еще не весь материал ПСРЛ и СГГД собран и текстуально сличен и изучен». При этом Б. А. Романов особо подчеркнул в своем отчете, что для него «интерес и смысл постановки этих двух вопросов был бы <...> утерян, если бы пришлось отказаться от исчерпывающей полноты и соблюдения всех доступных» ему «требований исследовательской техники». В вопросах «Развитие государственного хозяйства Московского государства в XVII в.» и «Дворянское хозяйство перед крестьянской реформой и причины падения крепостного строя» Б. А. Романову «не представилось возможным выйти за пределы “изучения вопроса по книгам”», а первый из них приобрел для Б. А. Романова «характер и интерес историографический по-преимуществу». Что же касается вопроса о континентальной блокаде, то от него, писал он, «придется отказаться», так как «успел убедиться», что «сделать из него “вопрос” содержательный и доступный в условиях подготовки к экзамену» ему «не по силам».

По новой же истории, как писал в отчете Б. А. Романов, он должен был подготовить вопрос о Жане Батисте Кольбере и его деятельности на посту генерального контролера (министра) финансов Франции с 1665 г. Но «дело пока ограничилось “Clément. Histoire de Colbert” <...> к изучению бумаг и писем Кольбера, изданных тем же Clément, еще не приступлено». Наконец, вопросы «политической экономики и средней истории станут на очередь не скоро, экзамен по ним» Б. А. Романов предложил «отодвинуть к концу» (Отчет о занятиях оставленного при университете по кафедре русской истории Бориса Александровича Романова от 29 ноября 1917 г.).

Как видим, магистерские экзамены охватывали все периоды русской и всеобщей истории, а также смежные дисциплины, и к подготовке к ним Б. А. Романов отнесся с большой ответственностью и глубоким проникновением в проблематику. Но в условиях перегрузки уроками в средних учебных заведениях и другими взятыми им на себя обязательствами, а также из-за резко ухудшающегося экономического положения в стране и тревожной ситуации военного времени и двух (февральской и октябрьской) революций ему завершить эту работу так и не удалось.

Все эти обстоятельства были приняты во внимание университетом, в результате чего 18 декабря 1917 г. историко-филологический факультет постановил «продлить» Б. А. Романову «стипендию до 1 января 1919 г.»²⁴. То обстоятельство, что это решение последовало через 20 дней после отчета Б. А. Романова и его письма профессору С. В. Рождественскому, возвращает нас к оценке этих документов и дает возможность подтвердить их аутентичность.

Положение оставленных при университете, помимо тех целей, которые непосредственно вытекали из этого статуса, давало ряд привилегий. Так, они приравнивались к преподавательскому составу и не подлежали призыву в армию даже во время военных действий. И после Октябрьской революции некоторое время продолжали действовать некоторые льготы. Например, в 1918 г., когда интенсивно шла кампания «уплотнения», то есть вселение жильцов в отдельные квартиры, которые становились тем самым коммунальными, Б. А. Романов обратился к ректору университета с заявлением, содержащим просьбу выдать ему «удостоверение в том, что в квартире <...> находится ценная библиотека», необходимая ему «как занимающемуся научной работой», вследствие чего «квартира <...> действию декрета о вселении не подлежит»²⁵. И действительно, Б. А. Романов получил от университета удостоверение, подтверждающее, что его квартира «находится в ведении и под охраной университета»²⁶.

А вскоре, 1 октября 1918 г., еще задолго до формального истечения срока, закрепленного постановлением ректората, декретом Совета народных комиссаров РСФСР от 1 октября 1918 г. «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений Российской Советской Федеративной Социалистической Республики»²⁷ отменялись ученые звания и степени, а тем самым отпадала необходимость в сдаче магистерских экзаменов. Впрочем, еще до этого, с 1 июля 1918 г., Б. А. Романов приступил к работе в Главном управлении архивным делом (в Главархиве, затем преобразованном в Центрархив), и надолго – вплоть до 1929 г. – это стало главным делом его жизни²⁸. Совет факультета общественных наук 29 ноября 1919 г. избрал Б. А. Романова ассистентом по историческому семинарию, а вскоре и доцентом. Так началась его недолгая, но плодотворная работа в качестве университетского преподавателя (1919–1927, 1944–1950 гг.). Что же касается ученых степеней, то после их восстановления Б. А. Романов, преодолевая сопротивление, получил их в 1939 и 1941 гг.²⁹

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Панях В. М.* Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000.

² ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Т. 4. Д. 10687.

³ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 298. Оп. 1. Д. 2.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Т. 4. Д. 10687. Л. 1.

⁵ Трудовой список Б. А. Романова: Архив СПб ИИ РАН. Ф. 298. Оп. 1. Д. 6.

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Т. 4. Д. 10687. Л. 7.

⁷ *Романов Б. А.* Список трудов С. Ф. Платонова // Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову. СПб., 1911. С. IX–XVII.

⁸ А. Е. Пресняков – С. Ф. Платонову, 29 мая [1913 г.]: ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3945. Л. 35 об.–36.

⁹ *Панях В. М.* Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. С. 35.

¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Т. 4. Д. 10687. Л. 33, 36–36 об.

¹¹ Там же. Л. 37–38.

¹² Там же. Л. 39.

¹³ *Панях В. М.* Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. С. 35.

¹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Т. 4. Д. 10687. Л. 37.

¹⁵ *Чернов С. Н.* [Рец.:] Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6 // Дела и дни. 1922. Кн. 3. С. 178–179.

¹⁶ *Панях В. М.* Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. С. 38.

¹⁷ См.: *Романов Б. А.* А. С. Лаппо-Данилевский в Университете (Две речи) // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 181–186.

¹⁸ Романов Б. А. Смердый конь и смерд (В летописи и Русской правде) // Известия Отделения русского языка и словесности. СПб., 1908. Т. 13.

¹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Т. 4. Д. 10687. Л. 46–46 об.

²⁰ Там же. Л. 47.

²¹ Там же. Л. 55.

²² Намечался перевод Смольного института в Новочеркасск.

²³ О работе Б. А. Романова в этом Бюро написал в своих воспоминаниях его университетский однокурсник И. В. Егоров (*Егоров И. В.* От монархии к Октябрю: Воспоминания. [Л.], 1980. С. 227), но сам он этот факт не отражал в своих автобиографиях; в трудовом списке Б. А. Романова тоже отсутствует упоминание о данном факте.

²⁴ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Т. 4. Д. 10687. Л. 59.

²⁵ Там же. Л. 60.

²⁶ Там же. Л. 61.

²⁷ Декреты Советской власти. М., 1964. Т. 3. С. 381–382.

²⁸ *Панях В. М.* Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. С. 43–57.

²⁹ *Панях В. М.* Борис Александрович Романов: на путях к докторскому диспуту // Проблемы всемирной истории: Сборник статей в честь Александра Александровича Фурсенко. СПб., 2000. С. 92–100.